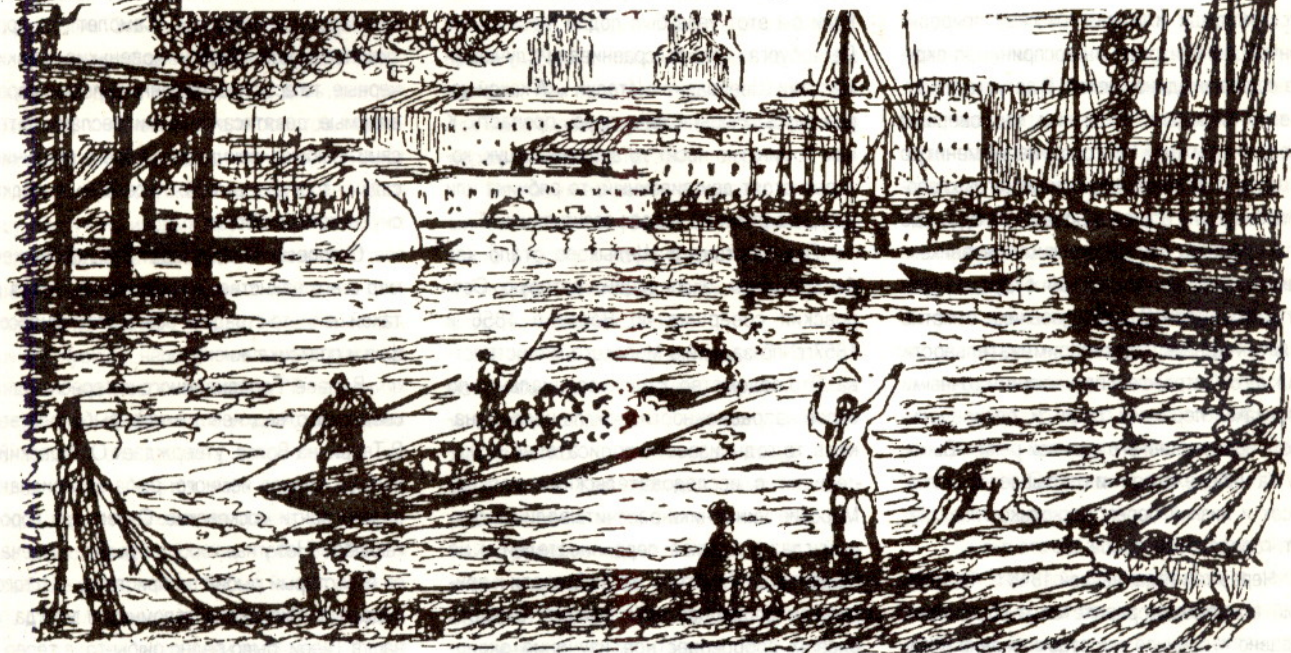

“Новые, невиданные картины открылись перед нами...”

(Драматург А. Н. Островский о рыболовстве на Волге)

С 1750 г. в России начинается период больших морских экспедиций, которым предстояло исследовать неизведанное, проложить торговые пути, открыть новые земли.

Известны имена общественных деятелей России, которых официальные морские власти приглашали на корабли, и впоследствии из-под их пера и кисти выходили произведения о жизни народов мира, а также о быте и правах моряков того времени.

Приметливый и объективный взгляд писателей и художников позволял им, возвратясь из “странствий”, оставить неоценимое наследие: от любопытных наблюдений климата, ландшафта, флоры и фауны до географических и этнографических исследований.

В 1858–1859 гг. знаток крестьянской жизни Д.В. Григорович совершил плавание вокруг Европы и описал его в путевых очерках “Корабль “Ретвизан” (1859–1863, ч. 1–2). В кругосветное плавание в 1852 г. был приглашен будущий автор “Обломова” И.А. Гончаров. Он участвовал в экспедиции адмирала Е.В. Путятина, был его секретарем. Мыс Доброй Надежды – Сингапур – Ява – Япония – вот маршрут этого плавания, а одним из его итогов стало выгодное для России торговое соглашение, открывшее русским купцам прежде недоступные японские порты.

Экспедиция оказалась успешной и в научном отношении, о чем свидетельствуют “Фрегат “Паллада” И.А. Гончарова и “Воспоминания старого моряка барона Шеллинга”, опубликованные позднее (Русский архив, 1892, № 5 и 6). Е.В. Путятин, которому по возвращении из этой экспедиции был пожалован графский титул, составил “Всепогоднейший отчет о плавании отряда военных наших судов в Японию и Китай за 1852–1855 годы” (Морской сборник, 1856, кн. 10).

Внутренние воды также не оставались без внимания Морского министерства. По Волге плавал известный драматург А.А. Потехин. В экспедицию по великой русской реке был приглашен и драматург Александр Николаевич Островский.

Во все времена Волга притягивала к себе разных людей. Среди тех, кто создавал энциклопедию великой реки, изучал ее, были географы и гидрографы, историки и этнографы, рыбоводы и ... писатели. Свою лепту в исследование Волги внес драматург Александр Николаевич Островский. Знаток русской души и жизни, русской природы, тончайший психолог, он воспринимал окружающее как единое целое. В августе 1845 г. совсем молодым, 22-летним, он совершил поездку в Нижний Новгород, на знаменитую ярмарку. Для этого ему пришлось выхлопотать отпуск на 8 дней в Совестном суде, где в то время он служил мелким чиновником. Нам интересны впечатления будущего драматурга о Волге. В своем дневнике, отметив архитектурные достопримечательности Нижнего, Островский несколькими точными штрихами передает ширь и беспредельность поразившей его великой реки: "Выхожу на набережную – и открывается Волга, песок и низкий берег, насколько глаз хватит, города, села, озера ...".

Через три года, весной 1848 г., Островский впервые отправляется в Щельково, недавно купленное его отцом имение в Костромской губернии, неподалеку от Кинешмы. На всем пути от Сергиева-Посада через Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострому он находит неожиданные сравнения для своих впечатлений, повсюду интересуется – а какую рыбу можно поблизости купить (сам он был страстным рыболовом). Немного не доезжая до Переславля, Островский восхищается озером, похожим "от ветру на огромное синее вспаханное поле", а в самом городе отправляется в рыбацью слободу за лещами и сельдями ("У рыбаков своя, отдельная слобода, в которой 3 церкви").

В Ярославле, городе по красоте своей "каких очень немного в России, набережная на Волге уж куда как хороша". По берегу Волги версты на три тянутся село Рыбницы и деревня Овсянники, "до того замечательные, что можно съездить из Москвы полюбоваться только". Берегом Волги, почти подле самой воды, камышами – путь к Костроме. В самой Костроме все – вокруг Волги: улицы, площади, об-

щественный сад, узенький бульвар. "Все тихо, патриархально, тенисто". Красоты кругом столько, что не удержаться от слез.

И наконец, Щельково. "Что за реки, что за горы, что за леса. У нас все реки текут в оврагах – так высоко это место". Из соседней деревни Высоково виден почти весь Кинешемский уезд. "Под этой деревней течет река Меря – что это за удивительная река. Если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга ... его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии ... А какой народ здесь! Рыбы и дичи здесь пропасть. К нам поминутно несут то аршинных цук, которые стоят двугривенный, то рябчика или утку, что стоит 20 копеек ассигнациями".

Путешествие в Щельково стало как бы прологом экспедиции, которую Островский совершил по Волге в 1856 и 1857гг. по заданию Морского министерства. Это ведомство, строго специальное по своей направленности, приглашало, однако, в те годы известных писателей в экспедиции с исследовательскими целями. Морские чиновники рассчитывали на острый глаз и меткое перо писателей и не ошибались. Писатели же добавляли к природным способностям и таланту владеть словом добросовестное изучение экономики, географии, истории, что помогало обобщать наблюдения, продлевать историческую нить, соединять прошлое и настоящее. Островский начал путешествие по Волге от Твери до Нижнего Новгорода. Плаванием своим он был доволен, привез много материалов – заметок, записок, чертежей, по которым написал статью "Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода" для "Морского сборника", опубликованную в томе 39, № 2 за 1859 г.

Какой же предстала перед Островским Волга почти полтора века назад? Путевые заметки он начинает главой "Тверь". Сюда он приезжает в апреле, на Святой неделе. Волга в полном разливе и, сливаясь с Тверцой, представляет огромное пространство мутной, пенистой воды, взволнованной низовым ветром. Кажется, сливаются две Волги. Ни одно судно не оживляет реки. Тверь играет роль коридора между Москвой и Петербургом, который беспрестанно метут и чистят. Местные мещане пропитание свое добывают

не ловлей стерлядей и вообще не рыболовством, а перевозом через Волгу, разгрузкой, а зимой – кузнечным ремеслом.

С поразительным знанием сути и мельчайших подробностей написана глава "Весенний караван" – о судоходстве по Волге с притоками и Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской водными системами. "После полного разлива Волга сбыла, но воды ее ожили. У пристани три новеньких, чистеньких парохода компании "Самолет", на противоположном берегу новенькие барки, черные, то есть просмоленные, лодки, управляемые девятисаженными веслами-потесами; рыбаки, причалив к берегу плавучие садки, торгуют рыбой; перевозные лодки снуют поперек Волги".

Островский показывает нам, как важен мир в его единстве, и если что-то рвется в такой цепи, то страдает все. В этом философия и практика жизни.

В главе "Городня" много интереснейших сведений о верхневолжском рыболовстве. В Твери, на Волге, утверждает Островский, рыбных садков немного, рыба незавидная, а цены почти московские. Отчего так дорога рыба? "Нет у нас хорошей рыбы, – отвечает ему старый рыбак на пристани. – Оттого и дорога. Сколько я запомню, и всегда у нас, в Твери, было бедно рыбы-то, а теперь уже вовсе мало. Волга мелеет год от году, ну, да и пароходов пужается, так уходит. Вот в Городне хорошую рыбу ловят, так надо ее там купить, торговцам-то, да 30 верст везти кверху, а еще которая поснет; как же дешево продавать? Ловят и повыше Твери, да все бедно! Не то уж куда продавать, и нам-то на продовольствие не хватает. Так как же ей дешевой-то быть".

И вот Городня, село на крутом берегу Волги, в 30 верстах ниже Твери. Прежде, до разорения литовцами, здесь был город со старинными церквями и монастырями. В Городне жили царские рыболовы, которые вместо оброка обязаны были поставлять ко двору рыбу. "Под ногами Волга, – пишет Островский о своем впечатлении о Городне, – синяя от пасмурной погоды и подернутая рябью; несколько рыбаков, стоя в своих маленьких, вертлявых челноках, поднимали баграми верши"... Рыбу ловят летом двумя способами: поездом и вершами или вятелями. Поездом ловят двое. Стоя в челноках на расстоянии сети друг от друга, рыболовы

тихо, плавая по воде, тянут сеть трех сажен длины и полутора аршин ширины, вязана она как частый невод, грузил и поплавок не имеет. Нижняя половина сети немного загибается посредством привязанных веревок, которые рыбаки держат в руках и по сотрясению которых узнают о попавшейся рыбе. Сеть выбирают, рыбу вынимают в челнок и продолжают свой поезд.

Другой способ летней ловли - вершами и вятелями. Эти "снаряды" (так тогда называли приспособления для ловли рыбы) опускают на дно с грузом, и за день два-три раза ездят на челноках для осмотра, поднимают баграми, выбирают попавшуюся рыбу в челн и снова опускают снаряд на дно. Вершу плетут из ивовых прутьев, вятель - из пряжи. Вообще же вершами называют все разновидности рыболовных снарядов, плетенные из ивняка - морда, мережа, ванда, рукав, кувшин, нерот, кошель, хвостуша - в разных местностях по-своему. В названиях отражены особенности устройства верши: она имеет вид кувшина, закругленный низ плотно завязывается, верх широко открыт, посередине перехват, внутрь верши вплетено горло в виде воронки, чтобы вошедшая рыба не могла выйти. Верши имеют величину от 1-1/2 аршина и более, но хвостушу делают длиннее, до сажени величиной, плетут в виде конуса без горла и перехвата. Хвостушу помещают в самых быстрых местах, при спуске плотин, например, и отверстием против течения воды. Рыба, занесенная током, назад выйти не может. Другие же разновидности верши ставят наоборот. Островский очень тонко разобрался в устройстве этих снарядов.

В озерных ловлях чаще употребляются вятели, видов которых много: вентур, кужа, крылена, мережа, однокрылая и двукрылая. Этот вязанный из пряжи мешок натягивают на несколько обручей (3 - 10), в него из той же пряжи ввязывают одно-два горла.

Рассматривает А. Н. Островский и устройство челноков, которые используют для ловли местные рыбаки. Из одного цельного дерева выдалбливают лодку длиной 6 - 7 аршин, шириной не более аршина, нос приподнят, острый. Ездят на ней стоя, правят одним веслом. Для дальних переездов посредине челноков встраивают садки для рыбы, а пищу и одежду рыбаки прячут от дождя в крытом носе челнока.

Не оставляет без внимания писатель-исследователь способы зимней ловли. "Зимой забивают езы (в других местах заезки, заколы и забои). Это один из самых древнейших способов рыбной ловли в великороссии, рано встречается в наших старинных актах... Для этой ловли забивают полерек реки по дну колья и загораживают щитами из хвои, оставляя между ними небольшие промежутки, и в эти промежутки закрепляют верши". Однако этот способ хлопотлив, и рыбаки считают, что дает не больше выгоды, чем простая прорубная верша, когда маленькую, в аршин, из ивовых прутьев вершу опускают с грузом в прорубь.

Во время вскрытия рек ловят наметками или саками: глубокий мешок, связанный часто (корма), натягивают на обруч, прикрепляют к длинному шесту, на котором опускают снаряд с берега.

А что же ловится в Городне? Из крупной рыбы - щуки, налимы, окуни, голавли, язи, лещи, подлещики, шерешпера (жереха); из мелкой - пескари, ерши, ельцы, плотва, уклейка. Ход стерляди, замечает Островский, начинается около 10 мая. Чрезвычайно редко попадает белорыбца, на памяти стариков раз пять-шесть заходили большие осетры. Как редчайший случай вспоминают, когда в марте 1849 г. была поймана огромная стерлядь, которую купец Воронов представил ко двору, "за что получил высочайший подарок".

Городней не исчерпывались рыболовные впечатления А. Н. Островского. Когда проселочные дороги обсохли и можно было переходить через ручьи и овраги, он едет к истокам Волги, чтобы "проследить развитие этой могущественной реки со всей ее береговой обстановкой от самого зародыша вплоть до впадения в нее Оки". На этом пути Торжок, "бесспорно один из красивейших городов Тверской губернии", известный еще с начала XI в. Верный себе, Островский осматривает город, расположенный по крутым берегам Тверцы, и с левого берега, и с правой стороны, восхищается собором, гостиним двором, площадью, приводит описание города, рассказывает о местных промыслах - выделке кож. Шьют в Торжке прочные, красивые, дешевые сапоги и туфли, к которым приложено мастерство торжокских золотошвей-вышивальщиц. Тут, как и в Твери, труд дешев и не всем рукам достается работа.

Ну а "...рыболовство в Торжке и его уезде самое незначительное, потому что рыбы в Тверце вообще мало, а хорошей почти нет". В Торжке он увидел только два садка, наполненные щукой и другой дешевой рыбой. "Весной, когда воды много, ловле мешает постоянный ход судов, а в межень, когда запираются шлюзы, река очень мелеет, и в это время вылавливается и вытравливается вся рыба дочиستا. Хотя отравы и окормка рыбы запрещается законом и виновных, кроме денежного штрафа, велено подвергать церковному покаянию, это баловство водится по всей России, и в Торжке тоже не без греха ... Поймать и уличить виновного почти нет возможности. Долго ли с лодки или с берегу накидать в воду небольших шариков, а когда рыба завертится на поверхности и все, и правые и виноватые, кинутся ловить ее, чем ни попало, тогда вину сваливают на проходящих". Для отравы рыбы применяли кукольван - растение, ядовитые плоды которого использовались в пивоварении и для одурманивания при ловле рыбы. А. Н. Островский выступает против продажи ядовитого снадобья.

Однако статья завершается не этой вопиющей картиной браконьерства, а пейзажем, ласкающим глаз и радующим сердце рыболова. После утомительного странствия драматург приезжает на берег озера Селигер: "Новые, невиданные картины открылись перед нами... На берегу вся увешанная сетями деревня, через пролив Рудинского плеса тянется непрерывная цепь мереж, безгранично протянулось синее озеро со своими островами, вдали колокольни и дома почти утонувшего в воде Осташкова, покрытый дремучим лесом остров Городомля и почти на горизонте окруженные водой белые стены обители Нила преподобного" ...

Р. И. КАГАНОВА

